

«письма от приятеля», но имеет все формальные признаки драматургического диалога: чередующиеся реплики, авторские ремарки, самостоятельный законченный сюжет. Включив такой диалог в разнородную жанровую структуру «Путешествия», Радищев добавляет еще один сатирический штрих к изображаемой им действительности.

Прерывистая речь героев, передающая их эмоциональное состояние, семантически наполненные паузы, которые стали обозначаться в тексте многоточием, возникли в литературе как результат стремления к правдивой передаче устной речи. В этом отношении проза развивалась параллельно с драматургией, художественная эволюция которой была связана с уменьшением повествовательного элемента, выражаемого через словесный ряд, и с усилением образности за счет сочетания речи персонажа во всем многообразии ее интонационных оттенков и жеста, определяемого авторскими ремарками. Сочетание слова и жеста, обладающее большими выразительными и характерологическими возможностями, постепенно начинает играть более заметную роль и в жанрах повествовательной прозы. На несоответствии слов персонажа манере его поведения строил Сумароков свой очерк «О неестественности». В повести Крылова «Ночи» сочетание слова и жеста не только служит характерологической цели, но и ведет к созданию подтекста. Описывая «вечеринку» богов, автор фиксирует поведение персонажей, произносящих реплики: «О! сказал Марс, вслушиваясь в наш разговор и вынимая табакерку». «Пустое! — сказал, подошед, Бахус и дотягивая двадцать четвертую бутылку шампанского». «Надобно отдать справедливость Ночи — сказала с презрительною улыбкою Юнона, — что она очень полезная богиня для неверных мужей и для непостоянных жен. . . Тут Юпитер засвистал песенку из новой оперы, а Венера, улыбаясь, поглядывала на Марса».³⁶

Как и в драме, «язык слов» здесь сочетается с «языком действия» — мимикой, жестами, поступками. Намеки на многочисленные супружеские измены богов, заключающиеся в этой сценке, создают второй план повествования, перекликающийся с основной идеей повести — разоблачением фальшивости человеческих отношений.

Большую художественную выразительность жеста, обнаруживающего непреднамеренные, индивидуальные проявления душевных движений, использовали и другие писатели. В «Острове Борнгольм» Н. М. Карамзин изображает реакцию персонажей на какие-то неясные читателю обстоятельства с помощью «немых сцен», усиливающих неясный, призрачный подтекст повести. Несчастный молодой человек, чувства которого «были мертвы для внешних предметов», «вздохнул, поднял глаза к небу, опустил их опять на волны морские — отошел от дерева, сел на траву, заиграл на своей гитаре печальную прелюдию, смотря беспрестанно на море, и за-

³⁶ Там же. С. 315—316.